

Ольга Яворская

Валюшкины
рассказы

6+

Ольга Яворская

Валюшкины рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Яворская О. В.

Валюшкины рассказы / О. В. Яворская — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В книгу вошли новые рассказы тверской православной писательницы, врача-кардиолога Ольги Яворской, в которых автор размышляет о Промысле Божиим в человеческой жизни через икону Божией Матери «Нечаянная Радость». В первой части книги повествование адресуется девочке – дочери писательницы, и, как утверждает автор, в нем нет ни капли вымысла. Во второй части автор пишет о призвании православного врача, который заботится в первую очередь о душе пациента. Книга адресована всем, кто готов к встрече с чудом. В оформлении обложки использована иллюстрация члена Союза Художников - Валь Н.В., выполненная по индивидуальному заказу в 2018 году.

Ольга Яворская

Валюшкины рассказы

Эта книга посвящена чудесам иконы Пресвятой Богородицы «Нечаянная Радость», то есть неожиданной радости, которая в течение всей жизни сопровождает нас и многими воспринимается как случайность. Но у Господа случайностей нет. Все события, которые ежедневно происходят с нами, закономерны, даже самые, казалось бы, незначимые. Надо научиться видеть и слышать их, а также всегда помнить о том, что все самое лучшее в жизни – от Бога, а в наших неудачах и скорбях виноваты только мы сами.

Все повествование в книге основано на реальных событиях.

Ч А С Т Ь I

« Иди. Стучи! Я с тобой! »

(Основано на реальных событиях)

Мама сегодня уехала на кардиологический симпозиум в Москву, и ее не будет три дня, а я уже скучаю. Она сказала, что эти дни пройдут для меня незаметно, если заполню все свое время до отказа учебой. А звонить она будет сама каждый вечер.

Я уже пришла из школы, сходила на курсы японского языка, выучила уроки, и вечер плавно переходил в ночь, а звонка от мамы все не было. Уже как час назад попробовала позвонить ей, но мама прислала смс: «Перезвоню позже. Не волнуйся, все хорошо. Целую».

И только в десять вечера я наконец-то услышала звонок от нее. Быстро прижав трубку к уху, я почти закричала:

– Мам, это что? Так долго у вас конференция длится?

И в ответ услышала:

– Да, доченька. Собрались кардиологи со всей страны и из Европы. Был министр здравоохранения. Доклады почти все с нужной для меня информацией. Но не это главное! Ты еще записываешь мои рассказы про чудеса Божией Матери «Нечаянная Радость»?

– Конечно, мама. Все, что ты рассказываешь, я запоминаю, а потом пишу.

– Тогда слушай, моя хорошая. Сегодня я была... – мама на секунду замолчала, а потом продолжила таинственным голосом: – у чудотворной иконы Божией Матери «Нечаянная Радость»! Я поехала в храм пророка Илии, в котором никогда еще не была, сразу после конференции, в шесть часов вечера. Вернее, я не поехала, а меня как будто бы что-то понесло туда. Именно сегодня очень захотелось посетить этот храм. Еле дождалась конца последнего доклада. Знала только адрес – Обыденский переулок, 2. Вышла из метро и глазами уперлась в храм Христа Спасителя. Первые мысли: «Что-то перепутала». Разве может рядом с таким величественным храмом находиться еще другой? На улице уже стемнело, февральская метель, холод, ветер, мокрый снег, слякоть. Куда идти? Никто из прохожих не знает, где этот переулок, тем более где этот храм. Помогли полицейские. Представляешь? Уже через десять минут я была в храме... Я не быстро рассказываю? Все слышишь?

– Все, мамочка, слышу хорошо. Что было дальше?

– А дальше, дочь, опять поверить сложно. Только ты веришь в мои «небылицы».

– Мама, я не только верю, но и чувствую, что это было так, как ты говоришь. Как будто бы я сама была на твоём месте.

– Спасибо, дочь! Слушай дальше. Это необыкновенный, старинный храм. У меня было впечатление, что я пришла домой. Икона Божией Матери в центральном приделе чуть слева вся украшена белыми розами и лилиями. Я еще не успела подойти, как от Нее услышала: «Моя

пришла». Я припала к иконе, и в душе все перевернулось, слезы сами собой. А от нее опять: «У тебя будет все хорошо».

Я отошла от нее, но уйти сразу не смогла. Огляделась и вижу: люди стоят в очереди на исповедь, и батюшка исповедует. Время на часах – семь вечера. Ну, мало ли, Великий пост на дворе. Здесь такие правила. Причастие, видимо, завтра. Встала в конец очереди и, медленно продвигаясь, в разговоре двух женщин услышала, что причастие через час. Вот тут я ничего не поняла! Подошла к женщинам за объяснением, и они мне поведали, что прихожан этого храма, которые не вкушали пищи с двенадцати часов дня и готовились, сегодня будут причащать. А у меня еще круче: ни росинки с девяти утра, не до этого было, но каноны и последование к причастию не прочитаны. Сердце загорелось. Думаю, не зря меня сюда позвали: почувствовала, что как будто что-то новое в жизни намечается, и сама моя Богородица Нечаянная Радость хочет благословить меня. Я к ней: «Матушка, разреши причаститься! Все прочитаю вечером, ты знаешь. Не по правилу, понимаю, но у Господа нет ничего невозможного». Она направила меня: «Иди. Ты здесь для этого».

Во время исповеди я рассказала священнику, что постилась весь пост, но не готовилась к причастию, не знала, что сегодня так неожиданно все произойдет. Он не разрешил мне, сказал подготовиться и подойти через два-три дня. Я поклонилась и бегом назад к иконе. Прислонилась к ней и жалуюсь: «Не пускают меня, матушка». А в ответ: «Иди. Стучи. Я с тобой». Стыдно, но опять повернула назад. Батюшка как раз рядом стоял ко мне спиной и заканчивал разговор с мужчиной. Я подошла к его спине, постучала в плечо и негромко сказала его затылку: «Тук – тук – тук». Он повернулся и удивленно посмотрел на меня. А я ему тихо: «Мне сказали постучать еще раз и попросить о причастии». – «Кто сказал?» – спросил он. «Матушка», – ответила я. «Какая матушка, дитя мое?» – еще более удивился он. «Наша с вами – Пресвятая Богородица Нечаянная Радость», – и показываю ему на икону. Батюшка на секунду задумался, а потом улыбнулся и ответил: «Тогда получай свою нечаянную радость», – развернулся и пошел в алтарь. И я, Валюш, причастилась. Впервые таким необыкновенным способом, и счастливее меня сейчас никого нет! И ты знаешь, что я сейчас буду делать?

– Знаю, мамочка! Готовиться к причастию, – улыбнулась дочка. – А я что буду делать, ты догадываешься?

– Писать новый рассказ?

– Мы с тобой на одной волне. Конечно, новый рассказ, но именно с этой истории я и начну свой цикл про чудеса Пресвятой Богородицы Нечаянная Радость, которые реально произошли с тобой и нашей семьей.

А называться они будут очень просто – «Валюшкины рассказы», хотя и рассказала мне их ты. А начну я с твоих детских воспоминаний. Пусть об этом узнают все.

Тайна

(Основано на реальных событиях)

Дождавшись, когда мама уснет, Катя тихонько сползла с высокой кровати и на цыпочках направилась к большому старинному шкафу, который достался им еще от бабушки. Скрипучая дверь предательски разрежала тишину своим противным скрежетанием. Но настырную Катю это не остановило. Оглядываясь на притихшую под одеялом мамину фигуру, она короткими движениями осторожно открыла тяжелую дверь и застыла в задумчивости.

«Куда мама могла спрятать от нее предмет, похожий на книгу или коробку конфет, который вот уже больше недели рано утром тайно достает из шкафа, потом снова прячет и думает, что она спит и ничего не видит? И если это конфеты, то почему тайком, а ей, Кате, ни слова?»

Девочка вздохнула, оглядев полки с ровно сложенными вещами. Светлый луч луны слабо проникал через занавешенное окно, но все равно был полезен, помогая различить спрятавшиеся в темноте предметы. Не зная, с чего начать, Катя наугад просунула руки между вещами и какими-то коробками с носками и колготами. Ладонки шарили в закрытом пространстве, но все безуспешно.

Закусив губу и уперев руки в бока, она хмуро оглядела все пять полок.

«Где здесь можно спрятать прямоугольный предмет?» – мозги заработали четко и хладнокровно. Она подняла глаза на верхние полки. Очень аккуратно сложенные простыни с пододеляльниками не вызывали никакого подозрения об инородном предмете.

Катка прищурилась. Какое-то внутреннее чувство подсказывало, что именно там, в этом нетронutom месте должно быть то, что она ищет. Но как? Как дотянуться до этакой верхотуры? В свои девять лет она не отличалась от сверстников акселератским ростом, а была лишь «серой мышью». Но это лишь только по мнению одноклассников! И хоть стояла она на физкультуре третьей с краю, никогда не чувствовала себя маленькой, четко осознавая, что в ней уже давно живет сложившийся взрослый и ответственный человек со своей мечтой. А то, что она ростом мала и вдобавок пухленькая, так это просто дело нескольких лет, и обращать на это внимание – только тратить зря драгоценное время. Впереди и так дел невпроворот. Вот как раз одно из них – это мамина тайна, которую она должна непременно разгадать и помочь маме, чтобы та тоже не считала ее маленькой. Девочка оглядела комнату. Внимание привлёк большой табурет у ее кровати.

«Ну, наконец-то! И упасть маловероятно», – переводя дух, прошептала она, подставляя его ближе к полкам. Прочная поверхность вызвала доверие. Катя взгромоздилась на табурет, и верхняя полка чуть не уперлась в ее любопытный нос. Обеими руками, хорошо удерживая равновесие, она стала изучать содержимое между постельным бельем.

«Ой!» – рука наткнулась на что-то твердое. Быстро схватив предмет, Катя не дыша потянула его к себе. Предмет на ощупь оказался деревянным, но легким. Извлеченный из-под груды белья, он несколько раз блеснул при свете луны. Катя развернула его к себе и увидела, что на нее в упор смотрят два глаза. Она прижала предмет к груди и тихо сползла с табурета. Подойдя к окну, оторвала его от себя и еще раз всмотрелась в изображение.

«Это портрет? Но какой-то необычный. Где-то в учебниках истории она видела такие портреты, но совсем маленькие и полустертые. Как молния, догадка разрешила ее мозг:

«ИКОНА! ЭТО БОГ! ЭТО ИИСУС ХРИСТОС!»

Сердце забилося очень-очень сильно, дыхание перехватило.

«Но почему? Почему Он в нашем доме? Мама – коммунистка, Кате совсем недавно повязали пионерский галстук, и на последнем пионерском собрании она отрицала Бога. Даже приводила примеры о природных явлениях, которыми в их современном обществе в 70-е годы двадцатого века руководит только сам человек. Ведь все говорят, что ЕГО нет. Мы все атеисты!»

Катка вспотела.

Она глядела на лик. Добрые, ясные, спокойные глаза смотрели на нее с улыбкой. От иконы она ощутила покой и внутреннюю радость.

«Вот было бы хорошо, если бы Он был!» – пронеслось в голове. Но тут же испугалась своей мысли.

«Все говорят мне, что я глупая сказочница. Так пусть так и будет, – это может быть только моей сказкой. Спокойной ночи тебе, БОГ! Мне уже пора спать. Завтра я спрошу у мамы, почему она Тебя прячет». Катя забралась на знакомый табурет, просунула икону между простынями. Осторожно закрыла скрипучий шкаф и на цыпочках подошла к спящей маме.

«Ничего не бойся, мамочка, я с тобой», – чуть коснувшись губами ее волос, Катюша прошмыгнула под свое одеяло и свернулась калачиком.

Ей снился папа, по которому она очень скучала. Папа служил на Крайнем Севере, и они всей семьей ждали его возвращения. Жили одни в съемной квартире с мамой и братом Вовкой, но каждый день заглядывали в почтовый ящик и искали письмо от папы.

Рано утром, наблюдая за мамой, которая привычным движением с верхней полки забирала уже знакомый предмет, Катя спросила:

– Мама, почему ты Его прячешь?

– Кого Его? – попыталась уйти от ответа мама.

– Ты знаешь. Это икона. А на ней Бог, – спокойно ответила дочь.

Мать взяла икону, подошла к кровати дочери, присела на краешек и очень серьезно посмотрела ей в глаза.

– Ты знаешь, что нам грозит, если кому-то станет известно, что мы храним икону.

– Откуда она у тебя?

– От бабушки. Ее венчали этой иконой. Ее и дедушку Витю. На протяжении всей жизни она хранила ее, и верила в Бога, и завещала мне. Ты еще маленькая. Я потом тебе все расскажу, – мама устало погладила Катю по голове. – Я тебя попрошу об одном – никто не должен знать об этом.

– Я уже не маленькая, мама. Зачем она тебе? Ведь в нашей стране все атеисты.

– Не все, доченька. Я сейчас могу тебе сказать только то, что Бог есть, и только Он поможет папе быстрее вернуться к нам. Я прошу Его об этом каждый день, и если хочешь, то ты тоже можешь попросить. Он ждет, когда ты обратишься к нему.

– Как Он может ждать? Я только что о Нем узнала.

– А о тебе Он знал еще до твоего рождения.

Катя присела в кровати и недоверчиво посмотрела на маму.

– Он что, знает все-все?

– Я тебе много расскажу об этом, если ты будешь хранить нашу тайну. А еще я покажу тебе чудо, и ты сама его почувствуешь. Тогда ты согласишься сразу, и у тебя не останется никаких сомнений.

– Мам, ты не обманываешь меня? Ведь я уже не маленькая.

– В воскресенье мы пойдем с тобой в церковь, и я тебя с кем-то познакомлю. А сейчас собирайся в школу. Мы с тобой уже заговорились. Но помни о том, что надо хранить нашу тайну.

Нежданная Радость

(Основано на реальных событиях)

Единственный действующий храм в их маленьком городе Сером находился на краю города, окруженный большим кладбищем. Золотые купола ярко и призывно сияли под солнцем. Но в застойном 1973 году мало кто откликался на этот призыв. В социалистической России верующие преследовались законом. Страной правили коммунисты, коммунисты-атеисты. Но в душу каждому не заглянешь! Души прикрыты октябрятскими и комсомольскими значками, пионерскими галстуками и партийными билетами. Казалось, что лица в строю борцов за коммунизм, преданных делу партии и социалистической идеологии, ничем друг от друга не отличались. Но у этого строя были еще и сердца, в которых можно спрятать только самое сокровенное и... молчать!

Катя с трепетом поднималась по широким ступенькам храма, крепко держа за руку маму. Высокие ворота отворились, и – ах, аж захватило дух! Огромное пространство поглотило ее, все стены были расписаны мужскими силуэтами в красивых одеждах. Висели «портреты» с прекрасной женщиной, склонившейся над младенцем у нее на руках. Лица этих людей заво-

раживали, притягивали к себе и не отпускали. Катка открыла рот и, оглядываясь вокруг себя, видела все новые и новые, но почти одинаковые и похожие друг на друга лица в старинных красивых одеждах. Глаза устремились выше, но, чтобы осмотреть все, пришлось запрокинуть голову назад. И вот в огромном кругу на потолке она вновь увидела те же самые глаза – глаза Спасителя. Вскрик был похож на вздох: это ОН!

– Мама! Я увидела! – она показывала пальцем вверх и тянула мамину руку за собой.

– Тихо. Здесь нельзя громко говорить, – прошептала мама.

– Так все равно почти никого нет, – не унималась взъерошенная Катка.

Мама наклонилась к уху дочери:

– Помни о нашей тайне. Я хочу тебя познакомить с другой иконой. Вот тебе свечка.

Пошли.

Они пересекли центр храма и направились в правый придел. Несколько колон были со всех сторон украшены незнакомыми иконами. Катя вертела головой в разные стороны, пытаясь прочесть надписи над ними и хотя бы еще кого-нибудь запомнить, но ничего не выходило.

Вдруг мама остановилась около одной колоны, на которой висела красочная непонятная икона. Почему-то Матерь Божия была справа, а слева перед ней на коленях стоял мужчина со склонившейся головой в зеленом кафтане. Глаза Божией Матери смотрели на мужчину, и маленький Иисус Христос показывал ему свои ручки, по которым текла кровь.

– Это икона Божией Матери «Нечаянная Радость», – тихо сказала мама.

– А это кто перед ней на коленях? – поинтересовалась Катя.

– Это, доченька, разбойник, который грабит, убивает, а потом приходит и рассказывает ей об этом.

– А она что?

– А она его вразумляет, показывая ему израненные ручки своего сына, Иисуса Христа, которого он, сам не осознавая того, убивает своими злодеяниями.

– Тогда его нужно самого убить, если он убийца, – возмутилась Катя.

– Он думает, что таким образом наказывает злых и жадных людей и приносит пользу обездоленным, – ответила мама.

– И что она сделает с ним?

– Покажет, что он делает неправильно. Никто никому не должен вредить, даже если тебе сделали очень большое зло.

– Мама, а почему она Нечаянная Радость?

– Да потому, что разбойник, убивший и ограбивший большое количество людей, сам понимал, что не имеет прощения. Очень сильно раскаялся в содеянном, плакал и молился. А Она упростила Сына своего простить его. И Господь простил! А для разбойника это была неожиданная, нежданная радость.

– А наш суд дал бы вышку, – вздохнула обескураженная Катка.

– Вот этим-то и отличается суд Божий от человеческого. Поэтому мы и не имеем права никого судить. А только лишь один Бог. Смотри. Ты сейчас поставишь свечку этой иконе и попросишь ее, чтобы сбылось твое желание. А потом увидишь, что будет. И, как только тебе будет плохо, ты иди сразу сюда и ничего от нее не утаивай.

– А ты тоже просишь ее о чем-то?

– Конечно.

– И всегда все сбывается?

– Сбываются только те просьбы, которые мне должны быть на пользу.

– А если мы попросим об одном и том же?

– Ну, как раз и посмотрим, насколько мы достойны, чтобы это исполнилось.

Они с улыбкой посмотрели друг на друга и одновременно, шепча под нос вполголоса, поставили свечи с разных сторон подсвечника.

Шли домой молча. Катька оглядывалась на сияющие купола и про себя твердила, твердила свое желание. Состояние блаженства не покидало ее. Она не могла понять только одного: ну почему разбойник столько наразбойничал, а его даже не наказали? «Ух, бы я ему! Что в те времена могли сделать? Ну, голову отрубать, конечно, не подходит. А вот выпороть при всех – это еще и мало! Какой добрый Бог! А может, я еще чего-то не знаю?..»

Незаметно дошли до дома, пообедали.

– Мам, я на улицу к девчонкам!

– Только не допоздна. Слишком самостоятельная стала в последнее время.

– Угу, постараюсь, – на ходу натягивая шубку, прокричала Катька.

...Какое счастье, что есть зима, что есть снег, что есть каток и оружий на весь район Кола Бельды с обещанием увезти кого-то в тундру! А главное – что есть старенькие коньки! Время летит на катке и в играх незаметно. Уже стемнело.

«Ох, опять мама рассердится! Ну как ей объяснить, что детям нужно движение! Дома ведь все равно делать нечего».

Не придумав, кроме оздоровительных для тела и для похудения аргументов, запыхавшаяся Катька, с красными от мороза щеками, распахнула дверь комнаты. Никто не встретил на пороге. В комнате горела тусклая лампа, освещая застывший силуэт мамы, вжавшейся в кресло с каким-то листком в руке.

– Мама, я пришла. Что с тобой? – испугалась девочка.

– Иди ко мне, дочка. На, посмотри, – она протянула ей листок.

Катя быстро подошла к креслу, взяла в руки листок. Это была срочная телеграмма. Она быстро развернула ее и прочла на приклеенных белых полосочках печатные буквы: «23 декабря буду утренним поездом. Приезжаю совсем. Очень люблю. Целую. Папа».

– А сегодня ведь 22 декабря! – закричала обрадованная Катька.

– Сегодня день памяти иконы «Нечаянная Радость», дочка. Это я про исполнение желаний.

– Мама, но разве может такое быть? Разве можно так быстро! – Катя задыхалась от радости, кружась по комнате с телеграммой в руке. – Так что ж ты сидишь? Я помогу почистить картошку, а ты доставай за форточкой курицу. А Вовка знает?

– Вова на секции до девяти вечера...

– Мам, а ведь, наверное, правильно, что Она простила разбойника? – рассуждала Катя, доставая праздничный сервиз из серванта. – Если у нас с папой так быстро получилось, то, наверное, они знают что-то, что нам неизвестно.

Мама подошла к дочке и крепко ее обняла.

– Пока неизвестно. Но если мы будем стараться жить правильно и просить Их о помощи, то, может быть... когда-нибудь... мы все узнаем...

Бройлерная чебурашка

Катьку распирало от желания рассказать подружкам о том, что с ней произошло в храме. Но что-то сдерживало, не давало выдать себя. В школе после уроков она посещала танцевальный кружок. Но в том-то и дело, что только посещала. Танцорша из нее была никудышная. Круглые щеки, невысокий рост и пухленькое телосложение подходили больше для кружка домоводства. Но Катя четко знала, что для ее будущей учебы в медицинском институте и профессии (а она готовила себя быть хирургом) ей всегда нужно быть стройной и подвижной. Да и двигаться она очень любила, была непоседой и даже могла делать несколько дел одновременно

– заучивать стих, мыть пол, вытирать пыль, ну... и... т. д. А красиво двигаться, по ее мнению, могут научить только танцы.

В танцевальном кружке ставки на нее никто не делал. Она репетировала вместе со всеми ребятами, но всегда была запасным игроком: выступать не брали, и костюм, естественно, никто для нее не шил. «Нестандартная фигура», – слышала она вот уже как два года от хореографа и костюмера школы. Сказать, что ей было обидно? Наверное, может, и так. Но она постаралась эту обиду запихать внутрь себя так далеко, что порой забывала про нее до следующего выступления, продолжая чувствовать себя полноценной танцоршей, разучивая вместе со всеми новые танцевальные номера.

На этот раз к Новому году готовился танец чебурашек. На сцену выбегали с одной стороны девочки, переодетые в чебурашек, а навстречу к ним с другой стороны мальчики, переодетые в крокодилов Ген. Дети соединялись в пары и под музыку про голубой вагон показывали свой танцевальный номер. Навстречу Катьке-чебурашке не выбегал никто: для нее не было лишнего мальчика, и она танцевала одна. Учитель танцев относилась снисходительно, не прогоняла ее, даже порой вставала с ней в пару. Несмотря ни на что, Кате очень нравился этот кружок. Ведь главное – это научиться танцевать красиво, поэтому она терпит все-все! Но сегодня во время репетиции ей пришла в голову интересная идея. Она впервые еле дождалась конца занятия.

– Дети, новогодний концерт уже через несколько дней! С завтрашнего дня репетиции будут каждый день в пятнадцать часов, – объявила хореограф Татьяна Михайловна. – Сейчас мы остаемся на примерку костюмов. Все подошьем по размерам, чтобы было красиво и удобно.

К Катьке эти последние слова уже не относились.

– Ну, я пошла? – спросила она учителя.

– Да, конечно, Катечка, ты можешь быть свободна. Не задерживаемся, ребята! Все разговоры потом. Сначала мальчики. С их костюмами попроще.

Катка схватила портфель и пулей вылетела из школы.

Все мысли и ноги несли ее в сторону храма. «А вдруг уже закрыт? Вдруг не успею? На часах 17 часов 35 минут... Не рассуждай! – приказала она сама себе. – Бегом!»

В храме было всего несколько старушек.

– Тебе чего, девочка? – наклонилась к ней одна из них.

– Мне свечечку, – стесняясь, ответила Катя.

– Какую?

– Я не знаю, – пожала она плечами.

– Есть за пять копеек, есть за десять.

– За пять.

Катка быстро достала из кармана отложенный на пирожок пятак и положила его на прилавок.

Взяв свечку, она со знанием дела пошла по направлению к иконе Божией Матери «Нечаянная Радость». Зажгла и крепко вжала ее в основание подсвечника. Она смотрела на икону и мысленно стала рассказывать ей про то, что ей очень нравится учиться в школе, но никто из одноклассников этого не понимает. Что ее все считают гадким, упрямым и злым утенком, но она с ними совсем не согласна. Что просто хочет быть уже полезной и давно не считает себя маленькой. Что, набирая знаний и навыков, готовит себя к своей мечте – и... все-все-все, что никогда никому не могла рассказать. Слезы не раз наворачивались на глаза, но, делая над собой усилие, она их все же сдерживала.

– А еще... – вдруг она тихо сказала вслух. – Я так хочу выступать на концерте, а не быть запасной! И если это возможно, Матушка Божия, то разреши мне танцевать в костюме чебурашки, – она всхлипнула, и спрятанная обида вдруг неожиданно вылезла наружу и превратилась в слезный поток, который никак невозможно было остановить. – Я так сильно этого хочу...

– ревела она уже по-настоящему, давя в себе всхлипы и вздохи, чтобы никто ее не слышал. – Прости, что прошу тебя об этом...

Плечи вздрагивали от новых приступов боли, но она продолжала лепетать: «Прости, что я прошу тебя об этом...»

Катя вытирала платком слезы, пытаясь успокоиться, и никак не могла отойти от иконы. Она прислонилась к ней лбом и только тогда почувствовала, что начинает приходить в себя.

Дорога домой показалась очень короткой. С легкостью на душе, размахивая портфелем, она чувствовала, что сделала сейчас что-то очень-очень большое и важное. И от этого ощущения появилась какая-то непонятная внутренняя уверенность и покой, которых за свои девять лет она никогда не помнила.

Как всегда, перед новогодним концертом царила привычная суета. Все бегали, переживали, стараясь дорепетировать уже давно подготовленные номера. Нарядно одетые дети задорно смеялись. Катя пришла в шумный зал и села на свое любимое место в третьем ряду.

– Катя! Катя! Бондарь! Да толкните же ее кто-нибудь! Она что, оглохла, что ли? Катя-я-я! – крик превратился в ор.

Она оглянулась на голос в сторону сцены. На сцене стояла запыхавшаяся хореограф и махала ей рукой.

– Иди сюда скорей! Скорей, тебе говорят! – размахивая уже двумя руками, кричала Татьяна Михайловна.

Катя быстро вбежала на сцену.

– Света не пришла. Температура. Будешь танцевать вместо нее с Сашей Салтановым.

У Катьки все оборвалось внутри. Мурашки то ли радости, то ли страха от неожиданности побежали по телу.

– Пошли быстрее, надо костюм на тебя подогнать, – она уже тянула ее за руку в сторону костюмерной.

Костюм явно на ней не сходил. Жирненькие бочка и животик натянули ткань так, что, казалось, она сейчас лопнет. Что было впору, так это шапочка с большими ушками. Татьяна Михайловна и костюмер с ужасом смотрели то на часы, то на бройлерную чебурашку.

– Так, времени мало, – начала закатывать рукава костюмер. – Снимай юбку!

Умелыми движениями она надпоролла швы и за несколько минут из куска похожей ткани сделала вставку.

– Вот теперь все село на свои места, – любовалась она.

– Ну, не стандарт, конечно, – согласилась хореограф, – но ситуация спасена. Через десять минут ваш выход, – объявила она уже переодетым крокодилам и чебурашкам.

К Кате подошел Саша Салтанов:

– Ты, главное, не нервничай, – деловито сказал он. – Если что-то забудешь, я подскажу.

– Спасибо, – застеснялась Катя. – Только я ничего не забуду и постараюсь никого не подвести.

Заиграла музыка «голубого вагона». Состояние какого-то необъяснимого восторга и счастья охватило Катьку. И всего-то несколько минут танца – а ощущение, что она на сцене прожила маленькую, но счастливую жизнь своей чебурашки.

Им долго хлопал зал. Красочные костюмы восторгали всех участников концерта. Никто не заметил вставки на юбке. Все были очень довольны и веселы.

– Вот видишь, Катя, и ты наконец пригодилась! Вот что бы мы сейчас делали без нее? – обратилась Татьяна Михайловна к костюмерше. – Пришлось бы и мальчика снимать с танца. Ох, как хорошо, что все обошлось!

В воскресный день Катя предложила маме зайти в храм. Она сразу подбежала к иконе «Нечаянная Радость» и прислонилась к ней лбом.

– Спасибо тебе, Матушка милая. Я танцевала... Всем понравилось... Спасибо. Я люблю тебя.

– Что ты там шепчешь? – подошла мама.

– Благодарю. Она опять сделала чудо.

По дороге домой Катя рассказывала ей свою историю. Мама внимательно слушала и гладила ее по голове.

– Какая ты у меня скрытная, но сообразительная! Теперь ты знаешь, доченька, кто тебе всегда может помочь.

После этого новогоднего выступления Катю стали брать с собой на все выездные концерты и стали шить дополнительный костюм для нее. И совсем непонятно: каким-то необыкновенным образом кто-то из участников перед самым выездом по разным причинам выбывал из группы, и ей выпадало счастье танцевать и белого лебедя, и бабочку, и даже одну из лошадок конной тройки. И когда-то глубоко спрятанная обида уже давно растворилась где-то внутри. Она чувствовала себя нужной и радовалась этому.

– Спасибо тебе, милая Матушка «Нечаянная Радость»! Я знаю, что это все от тебя. Благодарю тебя неустанно, – говорила она, все чаще и чаще обращаясь к ней за помощью.

Ни за какие сокровища!

(Основано на реальных событиях)

– Мам, ты так интересно рассказываешь про свое детство! Я даже заплакала, – обняла Екатерину уже ее дочка. – А ты ведь и сейчас тоже обращаешься за помощью к Матушке Божией «Нечаянная Радость»? – спросила Валюшка.

– Конечно, обращаюсь. И много прошу у нее управить в нашей жизни, так же как и в детстве. Не всегда получается, но все равно потом оказывается, что так, как сделает она, выходит намного лучше.

– А почему ты мне никогда не расскажешь об этом? Ты мне только про детство свое вспоминаешь.

– Доченька, я тебя с ней только знакомлю. А то ли еще будет! – улыбнулась Екатерина.

– Ну, а твое самое запоминающееся чудо – какое было? Так, чтоб ты, ну, очень ему удивилась, – пристала дочка.

– Тебе спать пора, а не о чудесах слушать.

– Но хотя бы самое маленькое... – не отставала Валька.

Мама задумалась.

– Был один случай... Тогда я оказалась одна, жила уже в другом городе, рядом не было никого, и стало страшно. Жуть как страшно, – вздохнула она и замолчала.

– Мам, – Валька потрясла ее по руке. – А дальше? Что страшно-то было?

– Была беременной твоим братом Севой. А было мне почти тридцать лет уже. Поставили на отдельный учет, как старородящую. Все шло неплохо до девятого месяца. А потом в начале мая вдруг отекли ноги, стало тяжело дышать, ходить, спать. Врачи сказали меньше пить жидкости, но лекарства никакие не принимать. Решили: что-то с почками. А срок родов предварительно поставили на середину июня. Тогда не было хорошей диагностики, поэтому надо было терпеть.

Мама говорила медленно, грустно вздыхая, как будто заново переживала те дни. Валя слушала ее и не торопила.

– Ну, вот. Ты уже знаешь, что еще моя мама, твоя бабушка, рассказывала мне про эту икону. Тогда-то я и пошла в храм. И так быстро получилось, что, едва переступив порог, я просто наткнулась на нее.

– И что потом? – пошевелилась Валя. – Что ты у нее попросила?

– Ой, доченька! Стыдно вспомнить. Я у нее попросила все на свете. Все, о чем мечтала тогда.

– Что «все»? – удивилась дочь.

– Я понимала, что врачи тоже люди, и люди разные. Сама тогда еще училась в медицинском институте. Из акушеров и гинекологов – знакомых никого. Но знала четко, что у них тоже есть воскресные и праздничные дни, когда в роддоме остается только дежурный. И я попросила о том, чтобы Пресвятая Матушка помогла мне быстрее родить. Не в июне, а хотя бы в конце мая, чтобы меньше мучиться. Не в выходные дни, а в начале недели, когда еще все настроены на рабочий лад. Но это еще не все, – она снова грустно вздохнула. – Чтобы я родила не как старородящая, а очень быстро, и в отдельной родовой палате, и чтобы это произошло рано утром, и даже чтобы рядом оказался знакомый и очень грамотный доктор. Как тебе моя наглость? Похожа я на старуху из «Золотой рыбки»?

– Ну, ты даешь! – Валя недоверчиво с улыбкой посмотрела на маму.

– Вот. А дальше ты знаешь, что Севу я родила 31 мая, в ночь с понедельника на вторник. Была единственной роженицей не только в палате, но и на всем этаже. Родила стремительно – за пять часов вместе с схватками. И принимала меня моя однокурсница Люба, отличница учебы, вместе с еще одним, ну, очень опытным врачом. Внимание было только для меня одной. И поддержка только мне. Папа меня привез в роддом на скорой помощи около четырех часов утра, спросил, когда можно уже что-то узнать. Нянечка сказала, чтобы звонил вечером. А Люба позвонила папе сама в восемь утра и сообщила, что у него сын. Это ли не чудо?

Мама вздохнула, но уже с улыбкой.

– Ты, дочка, даже не представляешь, какое счастье родить маленького человечка и знать, что он всегда будет с тобой! Конечно, страшно рожать в первый раз. Да еще если тебя пугают со всех сторон осложнениями и для тебя, и для ребенка. Поэтому я и нагромодила такое количество желаний на бедную Пресвятую Матушку Божию. А она, видишь, сама была рядом со мной, чтобы поддержать и успокоить.

– А ты потом пошла к ней?

– Я к ней побежала. Потому что тогда для меня это был самый большой подарок в моей жизни. Я поняла, что меня слышат и помогают по-настоящему – так, как никто никогда не смог бы помочь!

Мама прижала Валюху к себе и стала ее тормошить:

– Ты-то теперь понимаешь, от кого настоящая помощь приходит и у кого ее надо просить? Все страхи! Страхи какие-то! А их не должно быть! Только к Богу – Он все управит! А вот еще был случай, еще в начале беременности, – вдруг оживилась мама. – Мы с папой жили на съемной квартире у его близких друзей – строителей. Сами друзья уехали в долгосрочную командировку. Квартира не очень хорошая, но мы были рады этому жилью. В нем у нас была любовь и счастье. Денег с нас не брали, да у нас их и не было тогда. Только прижились – и они месяцев через пять появляются. Ребята были неплохие, но такие громкие и неряшливые, что уже дня через два я завывала.

Мама удобнее села в кровати, обняла дочь и продолжала вспоминать.

– Они горлопанили каждый день до поздней ночи. Шумели, устраивали танцы. Покоя не было совсем. Все наши уговоры и доводы о моей беременности воспринимались на очень короткий срок, и все начиналось сначала. А идти нам было некуда.

– Надо было вызвать милицию. Она бы их быстро утихомирила, – встряла возмущенная Валя.

– Ну что ты! Это ведь была их квартира. А мы там были никто, – мама погладила дочь по голове и замолчала.

– Ма-а-а-м, ну, а дальше-то вы как?

– Я сначала уходила из дома, гуляла по улицам. Старалась приходить поздно. Папа нервничал. Так продолжалось около месяца. Я отчаялась совсем, руки опустила. Искала по объявлениям места в общежитиях. А потом, – она вздохнула, – как будто молния блеснула в сознании – рано утром я поехала в храм Белой Троицы к своей «Нечаянной Радости». Помню, икона висела невысоко, прямо напротив меня. Я ее обняла, прислонилась щекой и... заплакала. Так ревела, что стекло стало мокрое от слез. И просила я ее хоть что-нибудь сделать, но прекратить их бесконечные гуляния и застолья. Я не желала им зла. Я даже не знала, как может это все прекратиться. Но мне стало настолько легко, когда я выплакалась и все ей рассказала! Домой сразу не пошла. Лицо было как у «сеньора-помидора». Мне там же дали святой водички, просфору, молитвослов с молитвой к Пресвятой Богородице. Я у них попила, поела, «пожила» в их тишине еще часа два и поехала в свой беспокойный дом. Очень медленно подошла к квартире, постояла немного и позвонила. Мне открыл дверь улыбающийся папа.

– Ты где так долго пропадала? – удивился он. А лицо его сияет.

В квартире тихо, шума нет, никакого движения. Нет даже ощущения посторонних. Кругом разбросанные пакеты, какой-то мусор, вещи. Обычная картина за последний месяц.

– А где наши соседи? – спросила я.

– Не знаю. Хотел спросить у тебя, – развел он руками. – Они рано утром убежали. Потом прилетели как угорелые и стали собирать вещи. Собрали чемоданы, сказали, что позвонят позже. Очень важное дело – время не ждет, и скрылись в неизвестном направлении. Ты ничего им плохого не наговорила?

Мама смотрела на него с недоумением.

– Когда бы я успела наговорить? Я с ними дня два уже не пересекаюсь. – Она села на табурет и внимательно посмотрела на папу. – Может, сейчас придут?

– Сейчас не думаю... Но кто его знает...

Вопросительную тишину разрезал телефонный звонок. Голос из трубки почти кричал:

– Нам предложили классную стройку в Сибири! Заключили контракт на год. Живите, ни о чем не думайте. Простите, если что не так. Жене привет! – частые гудки оповестили об окончании разговора.

– Этого не может быть! – произнесла мама. В голове все смешалось. Она посмотрела папе в глаза. – Я целое утро была в храме Белой Троицы. Просила Матерь Божию «Нечаянную Радость» освободить нас от этой компании.

Тут она почувствовала, что в животе волной прокатилось что-то нежное и теплое – сначала в одну сторону, на секунду замерло и вернулось назад.

– Ой! Он тоже все чувствует! Он тоже радуется за нас!

Она прижала к животу ладони и подошла к своей любимой иконе. Слезы наворачивались на глаза:

– Как не сказать, что этого не может быть? Но ведь это есть! Это уже произошло! – вскрикнула Екатерина. – Матушка, – тише сказала она, – спасибо тебе за помощь! Это необыкновенно...

– Что ты почувствовала тогда? – спросила притихшая дочь. – Ведь, если кому рассказать, никто не поверит.

– Поэтому и рассказывали редко и далеко не всем, – тихо проговорила мама, памятью еще оставаясь в том времени. – Это, доченька, необыкновенная мощь. Это непробиваемый щит. Это радость до слез! Это то, без чего невозможно становится жить. И мало того: ты осознаешь, что уже никогда не захочешь расстаться с этим, даже если тебе предложат все сокровища мира.

Вези его к Серафиму Саровскому

(Основано на реальных событиях)

– Мама, а как родилась я? – однажды спросила Валюша. – Ты много рассказываешь про своих пациентов и работу. О том, что тебе помогает Пресвятая Богородица «Нечаянная Радость». Ты говорила, что всегда хотела иметь дочку с именем Валя. А как все получилось? Ты точно знала о моем рождении? – тараторила она, не давая опомниться.

– Ну что ты, дочечка! Господь дает деток. А мы и рады. Я же думала только о тебе. А Он мне дал еще и Севочку. Вот это для меня было чудо.

– А я? Я что? Не была для тебя чудом? – бровки на лице сдвинулись в недовольную гримасу. – Почему вы все необыкновенное всегда о Севе рассказываете? А обо мне хоть что-то можно рассказать волшебное? – она дернула плечиком.

– Ох, детонька! Волшебнее, чем с тобой, трудно что-то и вспомнить, – улыбнулась мама. – Это было настоящее чудо! До сих пор вспоминаю, как будто в сказке побывала!

– Расскажи, расскажи, – настойчиво повторяла дочь.

Мама потерела Валюшкину челку и поцеловала в лоб.

– Хорошо! Но история не короткая. Слушай... Ты уже знаешь, что мы по благословению Пресвятой Богородицы часто посещаем Дивеево.

– А как это «по благословению»? Она что, тебе так и говорит о том, что надо делать? – удивилась Валя.

– Да, дочь, так и говорит... Я прислоняюсь к иконе и... слышу как будто снаружи, но как будто... и внутри. Но знаю, что это не я говорю, а кто-то другой... сразу в сердце. Так коротко и ясно. Скажет – и тут же появляется сильное-сильное желание сделать это или поехать туда, куда указывают. И даже если у тебя много-много дел, и все неотложные, каким-то непостижимым образом все быстро устраивается, и уже ничто не мешает и не отвлекает. Вот и на этот раз... – мама смущенно улыбнулась и сильнее прижала дочь к себе. – Ох, не думала, что я буду об этом тебе рассказывать в твои десять лет!

– Ну, мамочка, я уже взрослая! Я ведь все понимаю, – Валюша выразительно посмотрела на маму и плотнее прижалась к ней. – Ты же все равно мне рассказала бы. А дети сейчас взрослеют и умнеют быстрее!

– Хорошо, слушай, моя неожиданно умная и взрослая дочь. У меня до твоего рождения нашли проблемы со здоровьем. Лечение предстояло длительное, и коллеги все в один голос твердили, что еще не факт, что излечение будет полное. Пока решали, какой из методов наиболее эффективен, в научных источниках я нашла статью одного профессора. Он категорически утверждал, что полное излечение от этого заболевания наступает после беременности и родов. Пока я взвешивала все «за» и «против», у нас опять тяжело заболел Сева воспалением легких. Здесь уже не до себя. Антибиотики, жаропонижающие, тяжелый и затянувшийся восстановительный период – все навалилось сразу. Я пошла к своей покровительнице, прислонилась к иконе и услышала: «Вези его к Серафиму Саровскому». И больше ничего. Вот так, коротко и ясно.

– А так бывает? – Валя крепко сжала мамину руку.

– Это трудно объяснить... Это надо почувствовать... – задумалась мама.

– Ну, не молчи, пожалуйста. Рассказывай, – затеребила ее дочь.

– В тот год к преподобному в Дивеево поехали в канун августа. Как раз к этому времени стекалось со всей России огромное количество православных. И помолиться, и за благодатью, и пройти канавку Богородицы, и, конечно же, приложиться к мощам великого русского святого Серафима Саровского. К нему-то и ехали за излечением, помощью и даже за советом. Наша семья уже бывала не раз на этом святом месте и всегда уезжала с «подарками» от преподоб-

ного. И я несколько лет назад излечилась от хронической крапивницы. Болезнь посещала меня в самое неподходящее время, осыпая пятнами всю с головы до ног, изматывая зудом, как будто кто-то невидимый отхлестал меня на славу крапивой. Все, что осталось от болезни, – это привезенная назад белая рубаша, в которой я окуналась в освященный источник, но вся почему-то покрывшаяся голубыми точками. А болезни как не бывало! Также полученный совет к венчанию для укрепления семьи тоже был выполнен. А теперь, зная целебное действие этого места, выбиралось время и для лечения сына. Свою болячку я мысленно задвинула на задний план.

Маленький Севка особенно не любил купания в ледяной воде освященного источника, подтверждая свою нелюбовь душераздирающим криком при каждом погружении. Этот бизоний вопль «содрогал» паломников в радиусе пяти километров. А мы с папой, зная, что делаем важное дело, хладнокровно «топили» своего щекастого любимца с головой в святые воды, после чего сын ел за троих и спал за пятерых в течение многих месяцев.

А в этот раз задержались в монастыре и приехали к источнику уже ночью. Надежды Севы на то, что его может минуть купель сия, не оправдались. По традиции под «рев вепря» мы троекратно его окунули, потом окунулись сами и, разложив палатку, все вместе дружно засопели.

Спросонья я сначала не поняла внезапно появившихся звуков, похожих на мягкие курлыкающие переливы то ли голубков, то ли горлиц. Почему-то точно над нашей палаткой. В уме промелькнуло воспоминание вчерашнего темного вечера: «Ну да, палатку поставили под деревом. Вернее, под его ветками». Просыпаться не хотелось: «Почему так громко? Да и кто там галдит? Какие наглые птицы!» – пронеслось в голове.

– Кыш, кыш! Пошли! – начала я «кышкать», стараясь тихо, чтобы не разбудить сына, и постукала по брезентовой стенке... Меня проигнорировали.

– Кур-кур-кур... Гуль-гуль-гуль... – услышала я в ответ. Ветка закачалась с такой силой, что стала бить по крыше палатки.

– Да что ж это такое? Места, что ли, другого нет? Вы человеческий голос слышите? Вам бояться положено. Ну-ка, кыш!

– Гуль-гуль-гуль... Кур-кур-кур... Гуль-гуль-гуль-гуль-гуль-гуль-гуль... – ответили мне.

– Саш-ш-ш-ш! Там какие-то хамоватые птички, весом по килограмму, устроили над нами свидание. Спать мешают, – начала трясти я мужа.

– Я ничего не слышу. Спи, – дремным голосом пролепетал он и повернулся на другой бок.

– Как это можно не слышать?!

Действительно, как будто по взмаху волшебной палочки, птицы вдруг на мгновение примолкли. Но уже через секунду опять закурлыкали с еще большим усердием.

– Ну вот же! Слышишь, слышишь? – почти обрадовалась я.

– И что я должен делать? Я тут при чем?

– Жена не спит, слушает птичьи лирические концерты – он тут ни при чем! Сейчас проснется наш горлопан, «причем» будем всем сразу, – прошептала я, укутывая, к счастью, не реагирующего ни на что Севу.

Папа нехотя зашевелился и полез к выходу. Птицы тяжело вспорхнули, и я наконец-то выдохнула. На часах четыре утра. «Раненько это у них!»

– Ну, что видел? Кто это был?

– Никого не видел. Вышел – все было чисто.

– Ну-у-у, так не интересно! Хотя... пусть летят в другое место.

Глаза уже смыкались, как вдруг ветка над палаткой прогнулась, и я опять услышала:

– Гуль-гуль-гуль... Кур-кур-кур... Гуль-гуль-гуль-гуль-гуль... – громче прежнего.

Я села в палатке и стала обдумывать план мести. Но план никак не строился. Мало того: с каждым услышанным «гулем» на душе становилось все мягче, теплее и спокойнее. «Хорошо-о-о.... Любитесь! Буду терпеть».

Я засекала время на часах и с открытыми глазами прослушала всю вторую часть концерта от начала до конца. А через полчаса все стихло. «Сильно», – подумала я, но уснула быстро.

– Уже через две недели, Валюш, после приезда я стала острее ощущать запахи. Ни с того ни с сего стало бросать в жар. Появилась какая-то необъяснимая накатывающаяся слабость в самый неподходящий момент. Как врач я не имела права на болячки. И четко об этом знала, повторяя вновь и вновь своим коллегам по работе, что здоровье врача – это показатель его квалификации. Даже видимое здоровье, если у кого-то его нет!

А через месяц на УЗИ меня поздравили с беременностью тобой! И я не знала, плакать мне или смеяться от радости. Так вот зачем Пресвятая Богородица отправила меня к преподобному Серафиму Саровскому! Сева уже в поездке стал выздоравливать. А вспоминая статью профессора, можно было надеяться и на свое выздоровление. Видишь, как у наших святых все решается!

– Мам, но ведь это совсем необыкновенно! И ты правда после родов вылечилась? – недоверчиво спросила дочь.

– В том-то и дело, что – правда. Теперь сама всем советую, когда встречаю такую патологию. Мы сами не ожидали, что с твоим рождением все изменится. Очень уж мы тряслись над нашим сыночком. А когда появляется в семье второй ребенок, и такой долгожданный и нужный, как ты, то сразу все становится на свои места. Внимание делится между двумя детьми одинаково. Я даже тебе могу сказать одну тайну... – мама понизила голос и наклонилась к дочери.

Валя застыла и округлила глаза в ожидании.

– Второй ребенок приносит в дом больше покоя. А главное, исчезает ненужная озабоченность и перестраховка за первого. Вот! Видишь, как все славно устроено в нашей жизни, – с уверенностью прошептала мама.

– А почему так? Я все равно не понимаю, – удивилась девочка.

– Вырастешь, у тебя будут детки, семья, тогда поймешь. Потому что семья – это единое целое, как организм. И даже самое маленькое дополняет большое и помогает перестроить жизнь на новый лад.

– А папа? Что сказал папа?

– Ой! – засмеялась мама. Это ведь наш папа! Он тут же все сопоставил и объявил:

– Ты лучше вспомни недавний птичий концерт у преподобного Серафима Саровского. Они тебя уже тогда предупредили.

Потом подумал и добавил:

– Если будет сын, то Серафим. Если дочь, то Серафима.

– Почему же я не Серафима?

– Я мечтала с детства о дочери Валентине. Но то, что ты не Серафима, я пожалела уже через три года, когда в храме ты подошла к иконе преподобного Серафима Саровского и, показывая на него пальчиком, воскликнула на весь зал:

– Мама, а этого дедушку я знаю! Он часто приходит ко мне во сне, разговаривает со мной и гладит по голове.

– Вот когда становится стыдно! – грустно сказала мама.

– Но он ведь не обиделся на нас?

– Ну что ты, доченька! Святые на то и называются святыми, что превосходят нас в уме и мудрости. А нам надо научиться слышать их и учиться у них.

Давайте снимем козла с шеи!

(Основано на реальных событиях)

– Мам, а ты всегда хотела быть доктором? – спросила Валя.

– Сколько себя помню. Ты же знаешь, – ответила мама.

– Но ведь это невозможно – каждый день слушать о болезнях и горе, – задумалась дочка.

– Но ты тоже готовишь себя к непростому занятию. Быть хорошим учителем, особенно в наше время, очень ответственно и сложно.

– Но зато как интересно! – воскликнула дочь. – С детьми всегда переживаешь что-то новое. Почему ты не захотела стать учителем?

– Доченька, в жизни очень важно правильно выбрать профессию. Ведь этому делу ты посвящаешь практически всю свою жизнь. И если дело интересное, то оно не может называться работой – это образ жизни. Тот, без которого уже не имеет смысла жить. Только тогда каждый день приносит радость. Конечно, будут заботы и хлопоты, но они тоже приносят радость, – мама серьезно посмотрела на удивленную дочь. – Потому что легко в жизни не бывает... И когда преодолеваешь трудность, вставшую на твоём пути, то победа над ней покажется тебе двойной радостью! Продолжать? Или тебе не нравится этот разговор? – засмеялась мама.

Валя кивнула и удобнее уселась на диване.

– Быть суперспециалистом в своём деле для многих людей сложно, – продолжила мама. – Но есть такое понятие, как призвание. И кто получает от Бога это призвание, тот хочет или только лечить людей, или только учить детей, или только строить дома и т. д. Мало того. Ты уже не можешь спокойно жить, желая каждый день помогать больным людям, используя свой опыт и накопленные знания. Понимаешь меня? – мама внимательно посмотрела на притихшую дочь. – Ни для кого не секрет то, что в нашей жизни происходит огромное количество чудес. Но больше всего они проявляются в медицинской практике.

– И в твоей практике были чудеса? – оживилась Валя.

– Конечно! И не сосчитать!

– Расскажи хотя бы одно, – попросила дочь.

– Это все долгие истории, наполненные страданиями больных людей и напряжением врачей, – взволнованно сказала мама. – Потому что нас учили – во что бы то ни стало помочь пациенту. Нужно знать очень много вариантов и схем лечения, выбрать из всех единственный – тот, который поможет. И главное – не навредить!

– А что, лечение может навредить?

– Еще как! Врач врачу рознь. Так же, как и сапожник – сапожнику, повар – повару и т. д. Чтобы назначить лечение, надо сто раз отмерить, учесть все сопутствующие заболевания – и только тогда назначать лекарства.

– А у тебя всегда все получалось? И ты правильно лечила?

– Думала, что всегда, – вдруг вздохнула мама и задумалась. – Самая большая благодарность от пациента – это его выздоровление. Тогда ты чувствуешь себя на своём месте. Но был один случай, который я не смогу забыть никогда.

– А какой, мамочка? Ты можешь мне рассказать?

– Конечно, могу. Тем более что тебе в твоей будущей профессии это тоже пригодится.

– Я не буду никого лечить. Я боюсь быть доктором. Я в папу, – начала сопротивляться дочь.

– Здесь немножко другое... – опять вздохнула мама. – Был у меня пациент – мужчина лет сорока с заболеванием сердца. Болезнь была на ранней стадии, и обратился он вовремя. Назначила я ему все правильно, с уверенностью, что улучшение наступит уже через несколько дней.

– И что? Не наступило?

– Я его пригласила через неделю для повторной кардиограммы и контрольного осмотра. На ЭКГ без улучшения, и состояние – ни хуже, ни лучше. Я еще при первом осмотре заметила

толстенную золотую цепь с подвеской козерога на шее. Но мало ли в той нашей жизни 90-годов было «новых русских», которые подтверждали свой статус таким образом? Опять все досконально проверив, я убедилась в правильности выбранной тактики. Значит, у пациента было что-то не так: или прием лекарства проигнорировал, или вредные привычки, или какие-то стрессовые ситуации, которые мешали выздоровлению...

– И что ты сделала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.